

А. Л Е Й Т Е С

Нестареющее поколение

1

В ту пору, когда в Европе «революционность буржуазной демократии уже умирала», а «революционность социалистического пролетариата еще не созрела», Герцен писал свои преисполненные горечи строки:

«Не оттого ли здесь дети старше своих отцов, старше своих дедов и могут их звать, как Дюма-сын, «блудными отцами», что старость-то и есть главная характеристика теперь живущего поколения? По крайней мере, куда я ни смотрю, я везде вижу седые волосы, морщины, сгорбившиеся спины, завещания, итоги, выносы, концы и все ищу, ищу начал, — они только в теории и отвлечениях» («Концы и начала»).

Декадентская литература в скором времени послужила иллюстрацией к этим суровым словам Герцена. На рубеже двадцатого века «концы» и «начала» перепутались в буржуазном искусстве. Вырастала литературная молодежь, лишенная чувства молодости, и читатель в ее выступлениях все явственнее и явственнее слышал «насмешку горькую обманутого сына над промотавшимся отцом». Литературные дебютанты сразу входили в среду, пропитанную старческим скепсисом, пресыщенностью. Физически молодые, они ощущали себя с первых же лет в объятиях уходящего класса.

Это ощущение приобрело особо трагический оттенок после империалистической войны 1914 года. В буржуазном искусстве двадцатых годов двадцатого века голос юношества, лишенного юности, звучит особенно громко. На страницах многочис-

ленных романов, рассказов, стихов четко вырисовывается образ мелкобуржуазного молодого человека, отрезанного и от прошлого, и от будущего. Он со школьной скамьи непосредственно попал в траншеи империалистической войны и для него фронтовая жизнь, да и вся военная эпоха, оказалась единственным экзаменом на аттестат зрелости. Этого «экзамена» молодой человек не выдержал. Уцелевший от пуль, он предстал перед нами психологически изувеченным, преждевременным старцем, ничего не позабывшим, ничему не научившимся. «У меня нет возраста. Детство мое воспитали бескровные старики. — Юношу во мне зарезал бог войны», — так заявлял поэт И. Голл в своей типичной для многих его сверстников автобиографии.

Вслед за старшим поколением — поколением персонажей Ремарка — столь же меланхолическую «заявку» делает в литературе Запада и поколение 1902 года. Это — буржуазные юноши, еще не успевшие попасть на войну, но все свои детские впечатления связывающие с нею. В те дни, когда им «были новы все впечатления бытия», — не «шум дубравы» и не «пенье соловья», а протяжная сирена воздушной тревоги насыщала их свежее восприятие мира. Лишенные детства и юности, они вступали в зрелый возраст в кризисные для капитализма годы. С завистью рассуждали они о безмятежном детстве своих родителей. Зависть переходила в ненависть. Они видели в своих отцах непосредственных виновников военной и послевоенной разрухи.

Негодованием против старшего поколения дышат многие художественные произведения Запада, написанные в последние

два десятилетия. В сотнях литературных документов этого времени раскрывается печальный облик молодого человека, провозглашающего не всегда беспощадный, но неизменно бессмысленный бунт против «блудных отцов».

2

Отцы и дети... Старая, престарая тема. Извечный, кочующий сюжет множества произведений буржуазного искусства. При всех разнообразных литературных вариациях этот спор поколений, эта тема «отцов и детей» некогда носила определенный, в значительной мере однозначный характер. Еще Гегель в своей «Феноменологии духа» писал:

«Отношение между родителями и детьми, несмотря на взаимные семейные чувства, характеризуется неравенством поколений: родители представляют отживающее, исчезающее со сцены, а дети — новое, восходящее поколение. На постоянной смене поколений основывается сохранение народа. В возрастающей самостоятельности детей родители воочию видят закат своей жизни, а дети — в исчезновении родителей — восход своей самостоятельности. Несмотря на господство семейного чувства, которое соединяет родителей и детей, неравенство поколений разделяет их; они относятся друг к другу, как прошлое и будущее».

Эпоха империалистической войны внесла решающую поправку к этой старой теме. Прежнее — спокойное, хотя окрашенное в трагические тона, чередование поколений нарушено. Создается своеобразная «гонка во времени». Смена поколений начинает протекать катастрофически быстро. «Точно какой-то страшный занавес отделил нас от всего мира, от прошлого и от будущего», — этими словами охарактеризовал Анри Барбюс переживания взвзда, шедшего в атаку под ураганным огнем вражеской артиллерии. Не каждый из участников войны смог, подобно автору «Огня», прорваться в завтрашний день сквозь «страшный занавес» фронтового опыта. Некоторые из них чувствовали себя надолго дезориентированными во времени. И это особенно относится к тем, кого империалистическая война застала в полудетском возрасте.

Спор этих детей с отцами не всегда напоминал спор будущего с прошлым.

Ворвавшись в отроческий покой, война как бы остановила «нормальное движение» времени, привычное взаимодействие поколений.

«Опыт войны... отупляет, надламывает одних, но зато просвещает и закаляет других», — говорил В. И. Ленин. Мы знаем, некоторые «надломленные войной» юноши быстро старели. Мы знаем и другое: люди немолодого возраста, считавшие себя уже стариками, просвещенные и закаленные военной эпохой, неожиданно для себя почувствовали, как молодит их ненависть к империалистической войне, негодование против ее зачинщиков. Так Анри Барбюс вступил в военную эпоху автором melancholicеских «Плакальщиц», пессимистической повести «Умоляющие», «Ада». А вышел он из нее мужественным автором «Огня», «Света» и юношески-пылких «Речей борца».

Ромэн Роллан перед империалистической войной ощущал себя «стариком», свершившим свое дело, спокойно верившим в нормальное чередование поколений. «Теперь ваш черед, люди нашего времени — молодежь! По нашим телам, как по ступеням лестницы, идите дальше вперед. Будьте более великими, чем мы, и более счастливыми. Сам же я прощаюсь с моей отжившей душой: я бросаю ее, как пустую оболочку», — так писал Ромэн Роллан в октябре 1912 года в предисловии к последнему тому своего «Жана Кристофа». Пятидесятилетний Жан Кристоф уходит от битвы новой эпохи.

Прошло два десятилетия. Трагические переживания военной и послевоенной эпохи не только разрушили веру Кристофа — Роллана в мирное, безмятежное чередование поколений. Они по-новому мобилизовали его, а мобилизовав... вернули ему молодость. Роллан, оставивший некоторое время «над схваткой», отказался от этой иллюзорной позиции, чтобы со всем своим огромным темпераментом ринуться в решающую битву двух миров — прогрессивного и реакционного. Он создает чарующий образ Аннеты Ривьер, которая не ощущает себя ни состарившейся, ни исчерпавшей свои силы и возможности, несмотря на пятьдесят лет. В предисловии к последнему тому «Очарованной души» Ромэн Роллан пишет:

«Аннета идет дальше своего умершего сына. Она решительно вступает в битву и бросает в нее сына своего сына, всех своих детей по крови и по усыновлению».

Как непохоже это на настроения «старейшего Жана Кристофа! Ромэн Роллан вновь разрешил для себя проблему чередования поколений. Теперь для него это меньше всего спор отживающего с молодым. Аннета хочет итти рука об руку со своим сыном, юношей-революционером, Марком Ривьером, а когда он погибает от руки фашиста, она стремится «итти дальше его». Создав образ матери, которая говорит о сыне-революционере: «Я его родила, а теперь он рождает меня», Ромэн Роллан прославляет соревнование на молодость всех передовых людей века, независимо от их возраста. И это звучит не только автопсихологическим признанием писателя, но и попыткой актуально разрешить тему, болезненную для многих интеллигентов Запада. Для нас, людей страны социализма, эта тема давно разрешена. Мы вспоминаем классический образ Пелагеи Ниловны, созданный Максимом Горьким. Мы знаем множество примеров из жизни социалистического пролетариата, когда отцы и матери не хотят отставать от своих сыновей и дочерей. И все же эта проблема, давно разрешенная революционной борьбой рабочего класса, живой практикой социалистического общества, кажется неразрешимой для ряда представителей западной интеллигенции...

Ромэн Роллан это учитывает. Он не только прославляет соревнование на молодость между матерью и сыном. Он создает правдивый образ молодого человека послевоенной эпохи, Марка Ривьера, мучительно высвобождающегося из-под тлетворного влияния «погибшего поколения», проповедующего «бунт» против отцов.

Этой теме посвящена одна из самых сильных частей последней эпопеи Роллана — «Семеро против Фив». Перед нами проходят юноши, ощущающие себя окончательно растерявшимися в первый послевоенный год. Они растеряли веру в мирное развитие человечества. Слово «идеал» для них звучало оскорбительно. Они потеряли ощущение преемственности и чувство возраста. Они вели себя, как дети, а чувствовали себя стариками.

«Двадцать лет в 1918 году,— пишет Роллан, набрасывая портрет Марка Ривьера («Семеро против Фив»),— не измерялись масштабами нормальной жизни. Они стояли одинаково и четырнадцати и восьмидесяти. Они были составлены из плохо пригнанных частей и кусков всех возрастов.»

Это сложная амальгама возрастных ощущений делала спор поколений особенно болезненным.

«Люди вчерашнего дня, люди, которые дали им жизнь, не узнавали своих сыновей. И этим сыновьям, потерявшим своих отцов, люди вчерашнего дня казались чужестранцами, которых они почти готовы были ненавидеть, которых они презирали. И для них самих, для этой молодежи, почти никакой возможности столкнуться между собой...»

Но, по сути дела, настроения этих юношей никакого отношения к спору поколений не имели. Ибо может ли называться спором поколений отрицание всякой преемственности? «Во все времена люди сомневались,— пишет Ромэн Роллан в «Смерти одного мира».— Каждое молодое поколение отбрасывало бредни старшего. Но есть разница между этой игрой в побоище, которой предавались во все времена молодые люди из интеллигентной среды, будущие профессора, прокуроры, адвокаты и охранители нравственного и правового завтрашнего дня, и судорожным бунтом этого выводка великого обмана войны за право... Они уже не могли ничего читать, видеть или слышать без того, чтобы не ощущать яда, примешанного к пище цивилизации: к религии, морали, истории, литературе и искусству, философии, общим местам публичного красноречия, повседневному «идеализму». Они выплевывали его с судорожной гримасой яростного и шутовского презрения к глупому душевному спокойствию предыдущих поколений.»

«Гримаса яростного и шутовского презрения» прекрасно подмечена Ролланом. Ею определяются многочисленные формы послевоенного буржуазного нигилизма от «дада» до «сюрреалистов». Ею характеризуется весь бунт первого послевоенного буржуазного поколения против своих «блудных отцов».

3

Этому «бунту» охотно потворствовала империалистская буржуазия. Временами она его разжигала. Откровенно и бесстыдно спекулировали ее идеологи на противопоставлении старых поколений молодым. Реакционной буржуазии, рассматривающей молодежь преимущественно как пушечное мясо, было выгодно изолировать ее от лучших традиций прошлого, отрезать ее от будущего и прививать ей яд самодовольства, самоуспокоенности, покорности.

Английский писатель-фашист Уиндем Льюис выпустил несколько лет тому назад «утопическую» книгу со знаменательным названием «Судьба молодежи». Тема этой книги — борьба поколений. Автор трактует ее с максимальной обнаженностью. Ультракапиталистическое государство будущего, фантазирует Уиндем Льюис, в целях приобретения новых источников дешевого труда, устанавливает культ молодежи и увольняет всех рабочих старше тридцати пяти лет. В результате возникает ожесточенная война между поколениями. Победа остается за сторонниками увольнения стариков. С помощью диктаторов капиталисты осуществляют полностью свою программу эксплуатации молодежи.

Эта дрянная книга выражает в сгущенном виде отношение современной фашистской буржуазии к теме поколений. Грубая и лицемерная лесть молодежи, к которой время от времени прибегают фашисты, нужна им для того, чтобы противопоставить молодежь старшему поколению и тем самым задержать ее рост, изолировать ее, в конечном счете использовать в качестве пушечного мяса, или объекта самой жестокой эксплуатации.

Гораздо более завуалированно льстили молодежи буржуазные писатели, либеральничавшие на определенном этапе своего развития. По любому поводу, да и без всякого повода, художник, желавший фигурировать в роли передового, апеллировал к подрастающему поколению, растекаясь в умиленных словесах о детях, «несущих в себе будущее».

Нет ничего опаснее подобного рода общих рассуждений о молодежи. Они вредны не только потому, что отсутствие дифференцированного подхода к молодому поколению развивает в нем самоуспокоенность, самодовольство. Они вредны еще и потому, что создают некое универсальное, схематическое, тем самым невежественное представление о реальном пути развития молодого человека первой половины двадцатого столетия. А «невежество, — как говорил товарищ Димитров на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала, — надо бить даже тогда, и больше всего тогда, когда оно выступает в оболочке универсальных схем».

Два схематических представления о молодом человеке Запада сосуществуют рядом в буржуазной литературе. Одно из них — схема юноши-бодрячка, который са-

мим фактом своего существования несет в себе «грядущий день». Этот условный и слащавый образ, продолжающий жить на страницах западноевропейской и американской бульварной литературы, у нас, разумеется, никакой популярностью не пользуется. Зато, к сожалению, противоположный образ — фигура молодого человека, превращенного империалистической бойней в «человека без возраста», — нашей литературной критикой иной раз рассматривается как центральный образ западной литературы, разрабатывающей тему молодежи. Между тем, последние годы показали, насколько маложизненна такая фигура, которой только художественно-сильные и яркие произведения «погибшего поколения» смогли дать — на некоторое время — плоть и кровь.

Образ Марка Ривьера, очерченный Ромэном Ролланом в последних томах «Очарованной души», ценен тем, что он в равной мере отталкивается от двух этих неправильных схематических представлений. Тема молодежи для славного французского гуманиста не случайно становится одной из самых центральных. Ромэн Роллан в послевоенные годы почувствовал огромную ответственность за те общие рассуждения о молодежи, которыми заканчивался его «Жан Кристоф». В «Прощании с прошлым» Ромэн Роллан пишет: «Нашими младшими братьями, нашими учениками, сыновьями было героическое поколение 1914 года. Мы их воспитали. Но времени нам нехватило указать им путь. Да мы и не могли этого сделать. Ибо, признаемся, мы сами не знали пути. До последнего часа мы стояли нерешительно на перекрестке двух дорог».

От этой нерешительности у Ромэна Роллана последних лет не осталось и следа. Автор «Прощания с прошлым» встречает будущее не абстрактными приветствиями молодому поколению, а конкретным анализом переживаний молодых людей, воспитанных послевоенной эпохой. Так возникает образ Марка Ривьера — этого мальчика, в котором, по выражению Ромэна Роллана, «совершаются ускоренными темпами катастрофическая эволюция европейского ума, уплотненная на коротком отрезке времени».

Путь развития Марка Ривьера сложен и труден. Не сразу примиряются в нем индивидуальное и социальное. Но этот образ, о котором наша литературная критика писала мало и скудно,

возникает в нашей памяти, как живая противоположность многочисленным фигурам «погибшего поколения».

Образ Марка Ривьера показывает, что двадцать лет тому назад, в 1918 году, возникло не только «погибшее поколение»... В этом же году в муках и борьбе рождалось поколение «обретенных идеалов», равняющееся по советскому комсомолу.

Для этих людей «обретенных идеалов» не существует бесплодного спора между отцами и детьми. У этих людей живое и действенное соревнование на молодость, олицетворением которой является Великая Октябрьская Социалистическая революция.

Комсомол, как писал товарищ Сталин, «умел найти общий язык между старыми и молодыми ленинцами, между старой и молодой гвардией...». (В. И. Ленин, И. В. Сталин, «О молодежи», Партиздат, 1936, стр. 205.) Это — основное. Равняющееся по комсомолу поколение «обретенных идеалов» идет в литературе рука об руку со старыми писателями-гуманистами, связавшими свою судьбу с революционной борьбой рабочего класса, чтобы обрести радость творческой молодости. А в жизни оно сегодня идет плечо к плечу с верными сынами партии Ленина — Сталина, воздвигающими здание коммунизма в Советском Союзе и защищающими общечеловеческие идеалы во всем мире.

4

Характеризуя империалистические боины, Владимир Ильич Ленин писал:

«Война есть такая «отрасль промышленности», которая похожа на лесоводство: нужны десятилетия, чтобы подросли достаточно большие деревья... то-бишь достаточно обильное и взрослое пушечное мясо».

Два десятка лет прошло после окончания империалистической войны. Подросло новое поколение — рождения 1918 года, вступающее в призывном возрасте во второй тур империалистических войн. В отличие от поколения 1898—1902 годов, оно называет себя не послевоенным, а предвоенным. Естественен вопрос: каковы настроения этого поколения?

Реакционные публицисты интересуются этим вопросом для того, чтобы решить несложную проблему: готова ли она, эта молодежь, к роли пушечного мяса? Но, изучая конкретный материал, они начи-

нают с тревогой спрашивать себя: не окажется ли молодежь рождения 1918 года олицетворением возмездия за империалистическую войну в той мере, в какой поколение 1898 года было ее жертвой?

Передовая художественная литература Запада в последние годы отвечает утвердительно на этот решающий вопрос. Люди «погибшего поколения» все больше становятся для представителей этой литературы тем жутким прошлым, о котором говорит в романе «Сущий рай» Олдингтон, имевший силу и смелость осудить это прошлое во имя будущего.

Но если в «Сущем рае» Олдингтона еще лишь намечаются новые настроения передовой английской молодежи, то в левой литературе молодых англичан, в стихах Одэна, Спендера, в прозе и поэзии С. Дэй Льюиса, эти настроения показаны уже открыто. Не только словами, но и делами засвидетельствовали молодые англичане, левые оксфордские и кембриджские студенты, свою преданность прогрессивному будущему. Достаточно назвать имена Ральфа Фокса, Кристофера Спригга, Джулиана Бела, Джона Корнфорда и других, с оружием в руках защищавших свободу испанского народа и славной смертью погибших на полях Кастилии.

В «Сущем рае» образ состарившегося поколения империалистской войны еще воспринимается Олдингтоном в известной мере трагически. Спор поколений в этом романе сдвинут с мертвой точки, но не снят вовсе. И все же отрадно констатировать, что для молодой левой литературы современного Запада самая тема отцов и детей становится мнимой, фиктивной, не заслуживающей особого внимания. Гораздо больше интересует эту литературу тема нестареющего поколения, то-есть тема такого отношения к родине, к революции, к народу, которая снимает «проклятую» проблему возраста.

Для этой литературы все более и более становится ясным, что чувство возраста болезненно воспринимается там, где нет чувства роста, где нет целеустремленной революционной борьбы, то есть среди поколения упадочного, бездейственного, обреченного.

«Десять лет разницы это — пустяки», — восклицает советский поэт Эдуард Багрицкий в своем «Разговоре с комсомольцем Н. Дементьевым». Ибо таковы настроения там, где поколения дышат и развиваются в атмосфере непрерывного роста и геро-

ческой борьбы за будущее. Вот отчего с такой жадностью, с таким интересом всматриваются передовые писатели Запада в образы советской молодежи, нашедшие свое отражение в нашей художественной литературе.

Лет до ста расти
 Нам
 Без старости,
 Год от года расти
 нашей бодрости.
 Славьте,
 Молот
 И стих,
 Землю молодости, —

этими словами заканчивает Маяковский свою поэму «Хорошо».

Наша молодежь имеет счастье жить и работать в стране, которую поэт революции справедливо определяет как «землю молодости», где даже девяностодвухлетний акын Джамбул называет свою музу «комсомолкой», где «молодость-то и есть главная характеристика теперь живущего поколения», как хочется сказать, перефразировав по-новому старые слова Герцена... И воплощеннем славного нестарящего поколения является для всего мира ленинско-сталинский комсомол.